

Лидия Иванова
ВОСПОМИНАНИЯ.
НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Публикация Д.В. Иванова

Осенью 1920 г. Вячеслав Иванов, после смерти своей жены Веры, не вынесшей трагических лет голода и холода, решил с дочерью и сыном покинуть Москву. В визе в Италию, о которой он хлопотал еще в надежде, что жизнь в нормальных условиях на юге спасет умирающую Веру, ему было отказано. Оставив на хранение друзьям библиотеку, большую часть рукописей и переписку, он воспользовался первой возможностью, чтобы уехать.

Семью приняли на «санитарный поезд», направлявшийся в Кисловодск. Путешествие было долгое, полное неожиданных перипетий, ибо поезд проезжал через места, где еще сражались между собою и подчас разбойничали разные вооруженные отряды. Но и Кисловодск Ивановым пришлось вскоре покинуть из-за вспыхнувших там волнений. Они сели на один из спешно отъезжающих поездов и после новых долгих странствий очутились в Баку.

В письме С.Л. Франку от 3 июня 1947 г. Вячеслав Иванов вспоминал: «В 1920 году, не выпущенный на волю, хоть имя мое и стояло на очереди заграничных командировок, поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе и самовольно явился в Баку. А там был независимый от Москвы университет с хорошим профессорским составом (отмечу с любовью Маковельского), ибо туда тянулись профессора, не желавшие под разнообразными наименованиями дисциплин преподавать единый и единоспасующий марксизм и исторический материализм.

Там мне дали тотчас кафедру классической филологии, там нашел я энтузиастических русских студентов (только книг у нас было маловато), там я напечатал свою книгу "Дионис и Прадионисийство" и, защитив ее перед факультетом, получил от него диплом на звание доктора»¹.

В 1924 г. положение изменилось. Приглашенный в Москву, чтобы принять участие в торжествах по поводу 125-летия со дня рождения Пушкина, В.Иванов получил разрешение выехать с семьей в Италию. Поводом путешествия было посещение советского павильона на международную выставку Биеннале в Венеции. Но конечная цель была — Иванов этого не скрывал — Рим. «Я еду умирать в Рим», — говорил он друзьям, провожавшим его 28 августа 1924 г. Это не означало, что он считал жизнь свою конченной. Но он знал, что в этот последний приезд в Вечный город он найдет в нем «скитаний пристань». Так писал он через несколько недель после выезда из Москвы в первом из «Римских сонетов».

Ивановы — Вячеслав 58 лет, Лидия 28, Дима 12, — поселились в скромных меблированных комнатах в центре Рима. Семья живет дружно, сплоченно, как в России. Но вопрос «на что жить», который постоянно волнует Иванова в его дневниках того периода, становится все более острым. Проекты и надежды на работу появляются и рушатся. Неожиданно, однако, из Колледжио Борромео в Павии, городке в северной Италии, приходит Вячеславу Иванову предложение поселиться в прекрасном ренессансном палаццо, чтобы преподавать французский, английский и немецкий университетским студентам, жившим там. Предвидится также профессура в Павийском университете. В первый раз семейная связь разрывается. Вячеслав Иванов уезжает один, дети остаются в Риме. Из своего павийского изгнания Вячеслав чуть ли не каждый день пишет Лидии и Диме подробные описания своей жизни, своих встреч, шлет и комментирует новые стихи и получает, в свою очередь, подробный отчет о римской жизни.

В печатаемых ниже воспоминаниях Лидии Ивановой и обращенных к ней письмах поэта описываются приезд и первые итальянские впечатления; события внешней и внутренней жизни.

**

¹ ПЕРЕПИСКА С. ФРАНКА И ВЯЧ. ИВАНОВА. Публикация В.С. Франка. — «Мосты», Мюнхен, 1963, №10, с.363. О жизни В.И. в Баку см.: О.Дешарт. ВВЕДЕНИЕ. — в кн.: В.Иванов. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, т.1, Брюссель, 1971 (далее указываются только том и страница этого издания); Н.В. Котрелев. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ — ПРОФЕССОР БАКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. — «Труды по русской и славянской филологии», XI. «Ученые записки Тартуского государственного университета, вып.209, Тарту, 1969, с.326-339.

ПАНСИОН «РУБЕНС»: РИМСКИЙ И МОСКОВСКИЙ ОЗОН

Первое пристанище наше в Риме был пансион Рубенс, кажется, находящийся тогда на виа Бельсиана, около Испанской площади. Адрес мы получили еще в Москве. Мы попадаем в Рим в самый замечательный его сезон: сентябрь, октябрь. Утром вижу еще из постели, как солнышко через скважины ставень радостно играет золотыми струйками по кирпично-красному каменному полу. В пансионе живут два русских служащих советского посольства. Один старается нас познакомить с Италией, — «Итальянцы вовсе не лентяи, как говорят, невероятные работники. Главное для них добывать деньги». «Байокки, байокки»*. К этому служащему приезжает после короткой побывки в России жена. — «Ну, как там?» — «Озоном подышала, душу отвела». Вот как сделан свет: ей там озон, а нам кажется, что озон в Риме.

В пансионе живут также и итальянцы. Молодой женский голос провозглашает: «Buona sera, signor capitano»**, и мы с Димой прислушиваемся, стараясь усвоить хорошее произношение и певучую каденцию языка. Русский бы сказал ясно Buona sera, а конец фразы проглотил бы и произнес невнятно; а итальянец, наоборот, повышает к концу фразы и capitano отчеканивает.

На третий, четвертый день нашего приезда политическое событие: на днях в Париже фашисты убили известного итальянского деятеля-коммуниста. Теперь в отместку в Риме коммунисты убили видного фашиста. Это было в трамвае, он упал на руки своей дочки — подростка лет четырнадцати. На сегодня объявлены его похороны. По обеим сторонам Corso собралась довольно густая толпа. Посреди улицы идет кортеж торжественно и мрачно: солдаты, военный оркестр, знамена; а за катафалком сам Муссолини со своими приближенными. Мы стояли в первых рядах зрителей. Вячеславу шепнули тихонько на ухо: «Вот этот, это — Муссолини». Дима был еще мал ростом, и не услышал и потому не увидел его. Когда он это узнал, он страшно на нас обиделся, однако торжество процессии ему чрезвычайно понравилось, и он даже заявил: «Пожалуй, монархия лучше, чем республика».

Пребывание в пансионе было короткое.

*

* Денежки, денежки (итал.).

** Добрый вечер, господин капитан (итал.).

Мы сразу начали искать постоянное жилище, и его нашел Вячеслав. Вячеслав был до того не приспособлен к практической жизни, что не сумел бы себе не только яйца приготовить, но даже воды скипятить, чтобы заварить чай. Да никогда ему и не пришлось этого делать. Но что было забавно, это то, что он великолепно умел торговаться, делал это с увлечением и всегда очень успешно. Помню, как в один прекрасный день, когда мы жили в Павии, было решено сшить мне вечернее платье. Вячеслав отправился с Ольгой Александровной¹ и со мной покупать черный шелк. Он ничего, конечно, в шелках не понимал, но важно спросив цену, сразу возмутился ответом и предложил половину. Переговоры с торговцем длились бесконечно. Голоса настолько повысились, что казалось, что все дойдет до катастрофы, а неожиданно все кончилось полной дружбой, Вячеслав настоял на своем, и торговец воспыпал к нему уважением и любовью.

Квартиру нашел Вячеслав и сговорился обо всем с хозяйкой, которая должна была нам стряпать и счет расходов приносить всегда ему лично.

На нем лежала тогда тяжелая забота: на какие средства мы сможем жить? Кроме того, он явно старался освободить меня от хозяйственных работ, чтобы я всецело могла отдаться композиции. Этим он всегда очень дорожил.

НАШ СОСЕД БЕНИТО МУССОЛИНИ И ЕГО МУШКЕТЕР МАРИО

Наша милая квартира находилась на *via Quattro Fontane* № 172, два шага от *Piazza Barberini* с ее поросшим мохом и тинами Тритоном. Теперь его стали чистить каким-то химическим снадобьем, и он мерзнет, голый, несчастный и непристойный. Дом был старый, со стенами, украшенными орнаментальными выцветшими фресками. Внизу контролировала входящих швейцариха-ябедница, та самая, которая обвиняла Мейерхольда в неморальности за то, что он целовался на лестнице с Зинаидой Райх². Лестница была благовидная, хотя скромная. Подниматься нужно было на пятый этаж и позвонить в дверь с медной дощечкой, где значилось: *Maria Cianfarani, vedova Placidi**.

Открывала дверь синьора Плачиди и неизменно рассыпалась радостными приветливыми восклицаниями. Ей всегда было

* Мария Чианфарани, вдова Плачиди (итал.).

душно, она щедро откидывала обношенное, непонятного цвета платье, чтобы прохладить вспотевшие полные плечи и немного выступающие груди. Она впускала нас в крошечную переднюю, затем в коридорчик, заставленный по обеим сторонам сундуками, корзинами, всяким скарбом, потом в маленькую крохотную комнату, которая служила ей и ее сыну столовой и где в буфете, среди стаканов и графинчиков, сидел большой белый и злой кот, и наконец, доводила нас до нашего жилища. Оно состояло из трех комнат. Первая — проходная, была вся занята большим обеденным столом. Сбоку были втиснуты с одной стороны выцветший красный бархатный диванчик, а с другой — трюмо с большим зеркалом. Окно выходило на дворик дома шотландских семинаристов. «Тут были огромные деревья, полные певчих птиц. Стоял весь день хор щебетаний, но ректор семинарии велел срубить деревья — птицы, мол, мешают ему спать», — рассказывала синьора. Из этой комнаты можно было пройти налево — к Вячеславу, направо — к нам с Димой. Здесь, кроме двух кроватей, помещался большой и чрезвычайно старый рояль, взятый мною напрокат. Крошечную комнату Вячеслава с венецианским окном нельзя лучше описать, нежели он сделал это сам в своем римском дневнике.

«Мне хорошо и уютно в новой комнатке, которая представляется мне порою то каюткой, то отдельным купе вагона, — и тогда чувство *bien être*'а* еще острее. В Баку в четыре года не имел такой милой *scrivania*** , располагающей к писанию. Забываю, что окно — дверь в пространство, огражденное балконной решеткой. В нашем *salottino**** и повернуться нельзя, но в нем рояль, на котором Лидия сочиняет, странно пифийски бормочет на клавишах под сурдинку»³.

Пол был мощен, как во многих итальянских домах, так называемыми *matonelli* — маленькие плитки майоликового кирпича. У синьоры Плачиди все было старинное, и пол образовывал постоянно лысины — места, из которых выскочили плиты. Сверху синьора постилала деревянные доски, чтобы удобнее было ходить. Нам казалось, что наша квартирка была идеальным и уютнейшим гнездышком, но она, по-видимому, производила впечатление крайней нищеты. В 1928 году присуждалась премия в 1000 лир (в то время довольно крупная сумма) лучшему студенту курсов композиции в *Santa Cecilia*⁴. Двое моих това-

* чувство удовольствия, приятности (фр.).

** письменный стол (итал.).

*** крохотная гостиная (итал.).

рищей, конкуренты по получению премии, как-то зашли ко мне, пришли в такой ужас от нашей квартиры, что дружно настаивали, чтобы премия была выдана именно мне.

Профессор Петр Семенович Коган, президент Государственной Академии Художественных Наук, посетил моего отца⁵. Та же реакция, и благодаря его хлопотам Вячеславу была назначена от Академии субсидия.

Стряпала г-жа Плачиди вкусно. Обед, по требованию Вячеслава, был всегда тот же самый: fettuccine* с маслом и с пармезаном, бифштекс с салатом и картошкой, кофе. Кофе у нее не был блестящий, она его оставляла в кофейнике в горячей золе и предоставляла ему тихо кипеть часами со всей гущей. Стряпала она на деревянных углях, которые раздувала веером из петушиных перьев. Веер был весь обшипан. Мы с Димой как-то решились ей подарить новый; она страшно обиделась и бросила его куда-то в угол. Она была против всяких новшеств. Зимой без отопления (которое было большой редкостью в римских домах того времени) было очень холодно. Мы купили керосиновую печку. Синьора очень рассердилась: «Мы всегда жили без этого». Каждый день, проходя мимо печки, она ненароком давала ей маленький пинок ногой. Самой драматической стычкой с консервативностью нашей синьоры было столкновение по поводу уборной. Она была построена в виде деревянной маленькой кабинки, опирающейся на две узкие балки, прикрепленные к внешней стене дома. Под балками кабинки была пустота до самого основания дома. Я заметила, что кабинка уборной становилась с каждым днем все более и более наклонной. До того, что нужно было опираться на ее стенки, чтобы стоять. Посмотрев на нее из окна лестницы, я увидела с ужасом, что балки были совсем гнилые и наполовину надломлены. На наши жалобы синьора Плачиди начала бурно протестовать: «Я тридцать лет живу в этом доме, и никто никогда этого не замечал!». — «Мы пожалуемся консьержке». — «Боже сохрани! Ей ни слова! Она любовница самого синьорино» (синьорино она называла жирного, пятидесятилетнего хозяина дома)⁶. Все же мы так настаивали, что в один день явилась целая комиссия: синьорино, консьержка и инженер. Вердикт: входить в уборную — смертельная опасность. Вход воспрещен. На двери повешена печать. Балки будут менять. Смена балок длилась много дней, а пока что нам приходилось пользоваться публичными уборными на соседней площади Барберини.

* плоские и длинные макароны (итал.).

Синьора Плачиди была вдова и жила вдвоем со своим единственным сыном Марио. С мужем она провела очень тяжелые годы. Он ее постоянно покидал и отправлялся в какие-то далекие путешествия, где не только промотал все их небольшое состояние, но еще приобрел какую-то тяжкую болезнь. Долгое время синьора Плачиди ухаживала за ним весь день, и всю ночь не смела сомкнуть глаз, трепеща от страха за сына: муж спал рядом с заряженным револьвером. Он заявил, что, когда почувствует, что умирает, он застрелит сына и жену. «Как вы, незащищенные сиротки, сможете жить без меня?» Оставшись вдовой, синьора Плачиди всецело посвятила себя своему сыну. Добрые священники-иезуиты приняли даром ее сына в Collegio Massimo, в самую аристократическую школу Рима, и всячески ей помогали. Марио было довольно не по себе в школе — товарищи были все либо аристократы, либо дети богатых. Но главной бедой было то, что, как Марио ни старался, у него ничего не выходило с учением. Пришлось оставить школу на полдороге.

Когда мы поселились на *via Quattro Fontane*, Марио был двадцатилетним застенчивым и нежным красавцем, — казалось, прямо соскочившим с итальянской фрески. Он ничего не делал весь день, но гордился, что был записан в мушкетеры Муссолини (*moschettieri del Duce* — 50 юношей-добровольцев, составлявших личную гвардию Дуче). Фашисты стали во главе Италии лишь в 1922 году. В 1924 году это было еще молодое, не абсолютно укрепившееся движение, увлекавшее многих молодых энтузиастов. В торжественных случаях Марио надевал свой черный, расшитый серебром мундир, черную феску, за пояс кинжал, и, если это вообразимо, становился еще более красивым. Сам же Муссолини в те годы жил совсем близко от нас в квартире, принадлежащей сенатору Титтони, и из наших окон можно было любоваться через красивый двор на терраску его кухни. Мимо нашего подъезда мы часто видели его возвращающимся верхом с прогулки. Понятно, что весь квартал был полон полиции. Мы с Димой даже узнавали шпики в лицо и давали им прозвища. «Кто сегодня внизу, Пеппино?» — «Нет, Чичио».

Синьора Плачиди относилась к нам по-матерински. Диме давала всякие ласковые прозвища. Называла его, например, «Чечевица», русское слово, которое она выучила и которое ей очень понравилось. Звала его тоже «*Rapocchio*» — лягушонок, так как он любопытствовал, как это люди едят лягушек. Поэтому в один прекрасный день к обеду появилось блюдо из них, и мы все трое не без ужаса должны были протыкать вилкой на наших

тарелках формы, столь похожие на человеческие бедра в миниатюре.

В первые два года римской жизни я очень много работала по композиции. Это приводило в ужас синьору Плачиди: «Учиться очень, очень вредно. Я знакома с одной девушкой; как вы, она была ученицей консерватории, но еще, кроме того, записалась и в университет. Все училась, училась. И что же? Сошла с ума. Теперь она в сумасшедшем доме». Эта ненависть к школьному учению была сильно распространена в Италии. Говорилось: «После долгих лет учения, стольких лет тяжелых жертв». Нам было это странно слушать. Выехали мы из России в период, когда исключали из университета студентов «буржуазного происхождения». Многие умоляли им только позволить учиться, отказываясь от всяких дипломов. Были случаи самоубийств. А в Италии знаменитый философ Джованни Джентиле⁷, друг Муссолини и министр народного просвещения, провел реформу школ. Были сильно расширены все программы и в особенности изучение латинского и греческого языков. Среди молодежи стоял вопль. Многие не осиливали школу, и, по словам синьоры Плачиди, были и самоубийства.

Перед концертом, где исполняли симфонические произведения выпускников, она меня застала поздно вечером работающей над партитурой. «Бросьте, идите спать». — «Но завтра это должно быть готово. Если я пойду спать, кто за меня это сделает?» — «Кто сделает? Миссио (по-итальянски — киска), Миссио сделает это ночью». Этот ответ привел в восторг Вячеслава, и мы потом всю жизнь употребляли это слово. Миссио есть подсознательный работник, он же муза, вдохновение; работает он преимущественно во сне, когда мы ему волю даем, не мешаем.

Синьора Плачиди зорко наблюдала за нашими друзьями, готовая нас предупредить и спасти, если мы доверялись нехорошим людям. Она особенно строго относилась почему-то к итальянцам и покровительствовала иностранцам. Она уважала Ольгу Ивановну Синьорелли⁸, жалела, как ребенка, виолончелиста Огорокова (моего бакинского приятеля, который старался устроиться в Риме, но потом уехал в Париж). Она высокомерно относилась к милому нашему другу поэту Дамиани⁹ — итальянцу, хотя он был директор Библиотеки в Парламенте. Она безапелляционно осуждала за то, что он холостяк, профессора Петаццони¹⁰, несмотря на то, что он был академиком. «Ах, оставьте, профессор, — говорила она Вячеславу, — если, дожив до такого возраста, мужчина не женился, не обзавелся собственной семьей, от него ничего хорошего нельзя ожидать. Это плохой

человек, будьте осторожны». Синьора Плачиди не знала тогда, что у Петаццони была многие годы тайная любовь, он боялся жениться, чтобы не поразить горем свою ревнивую мать, и только когда та умерла, он уже в почтенном возрасте наконец женился. Если бы синьора Плачиди знала это, она бы прослезилась от умиления...

Из дневника Вячеслава видно, как, несмотря на счастье, которое он испытывал от сознания, что живет в Риме, он был угнетен заботой о нашем будущем. Вот отрывки из его дневника 1924 года, от 1 декабря.

«Итак, мы в Риме. Мы на острове. Друзья в России — *gaipantes in gurgite vasto**. Чувство спасения, радость свободы не утрачивают своей свежести по сей день. Быть в Риме — это казалось неосуществимым сном еще так недавно! Но как здесь остаться, на что жить? Чудо, ожидавшее меня за границей, чудо, воистину нечаянное, еще не обеспечивает нашего будущего. Во всяком случае, возвратить в советскую школу моего ненаглядного Диму было бы прямым преступлением. Итак, одному опять нырнуть *in gurgite*? Не значит ли это испытывать судьбу? Нырнул сызнова в пучину спасенный — *der Taucher* и уже не вернулся». От 3 декабря: «Как бы наладить заработок?»

Перейти на положение эмигранта Вячеслав не хочет. В продолжение многих лет он отказывается печататься в зарубежных русских журналах. Он обещал Луначарскому при получении визы, что не будет — по крайней мере в начале своей жизни за границей, печататься в антикоммунистических органах.

Из России приходят предложения вернуться. В Москве, Петр Семенович Коган надеется, что Вячеслав захочет стать членом Академии художественных наук. Вячеслав подумывает даже, не должен ли он один вернуться в Баку. Но весть от университетского приятеля вдруг снимает все сомнения, и самым неожиданным образом: «Сегодня из полученного от Зуммера¹¹ письма я узнал, что связь моя с Бакинским университетом¹², — связь «потенциальная», правда, — окончательно разорвана, ибо, по предложению студенческих (!) коммунистических организаций словесное отделение *упразднено*, о чем и объявление вывешено. У меня от сердца отлегло сомнение: чего де ты в Баку не едешь, для семьи "честным" (?) трудом не зарабатываешь? *Nun bin ich völgelfrei*, т.е. "волен как птица", как говорилось у немцев об опальных и изгнанниках» (письмо от 7 января 1927 г.).

* Немногие пловцы в безмерной стремнине (лат.)

К ГОРЬКОМУ В СОРРЕНТО: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

От Максима Горького приходили предложения литературного сотрудничества. Вячеслав решил поехать к нему. 28 августа 1925 года из Сорренто он подробно описывает свое путешествие.

«Сегодня Успеньев день и годовщина нашего выезда из Москвы, дорогие товарищи! ”Ри-га, Рри-гга!“¹³ Я проснулся в 9 часов и хотел опять заснуть, но матерая хриплая цикада сказала мне из садика: ”Пора, пор-ра!“ Пишу перед дверью на террасу, в довольно большой и уютно обставленной квадратной, сводчатой, белой комнате, в ней, кроме входной, две двери, закрытые садовые соломенными жалюзи. Одна дверь ведет в оливковый садик, увитый крупными темнолиловыми глициниями; другая на террасу, откуда видна мутно-бирюзовая бухта (сегодня, 29-го, она уже сапфирная), Сорренто, растянувшийся на уступе отвесных скал и глядящий из своих садов, как Нарцисс, в море, а за ним великолепные каменные громады в фиолетовой дымке, тогда как ближайшие высоты покрыты оливами. Среди этих громад примечателен гигантский кряж, напоминающий мумию, египетский профиль ее головы с крутым затылком глядит в небо, линия шеи глубоко вырезана от подбородка, женская грудь высоко поднята, ноги вытянуты. С мумией сравнивал этот кряж Максим Горький. Кругом глубокая, ночная нега и тишина роскошно покоящегося, ленивого Юга; только цикада вдруг заскрежет, да дико заревет с дороги осел. За дорогой налево, под террасой, вилла 18-го века, где живет Горький, с глубокой аркой лоджии и неуклюжими белыми украшениями рококо на желтых стенах; за ней огромный сад, спускающийся до моря. С террасы Горького видно не только то, что видно у меня с террасы, но еще и величавый Везувий за голубым заливом с белой линией городов, вытянувшихся у его подножия, от Каstellамаре, Торре дель Греко, Резины, Портичи, Неаполя, Поцуоли, Бай до Мизенского мыса. И все под голубой вуалью.

Неописуемо хорошо!

Вчерашний день, конечно, был утомителен. Уснул я только в 4 часа, а в 7 1/2 разбудила меня S-ra Maria. Заботливо и нежно она снарядила меня. Прибыв на извозчике на Stazione, увидел я поодаль дефилирующую чету наших знаменитых и любознательных путешественников¹⁴, с коими накануне вечером нежно распростились. Одновременно со мной чета выезжала с прямым поездом в Берлин. От четы отделилась собачка и прибежала

меня приветствовать. Кстати, ради Бога, не говори Кролям¹⁵ ничего о предстоящей беглецу участи: они делают из этого большой секрет».

«Суббота, 29-го, перед обедом:

Снабдив себя (за 8 лир) аппетитным *cestino**, где был и хлеб, и много вкусной колбаски, и кусок ростбифа, и сыр *scème*, и яблоко, и фьяскетто с белым *Castelli*, я удобно уселся в полупустом поезде и не хотел читать, но с большим удовольствием и любопытством стал глядеть на горы, через которые мы переваливали. Миновали священный для религии и для филологии (библиотека рукописей!) бенедиктинский монастырь Монте Кассино. Тревожился я только густою мглой, через которую героически голубела кое-как южная лазурь, при ярком солнце: боялся я, что мгла эта потушит волшебные краски Неаполитанского залива. Въехали в большой, неудобный, шумливый, грязный Неаполь. На трамвае доехал я в порт, но до пристани Соррентского парохода пришлось мне очень долго — минут 20 — пробираться через рельсы с вагонами, ждущими разгрузки на громадные суда, между носильщиков, повозок, грузовиков, скота, — пока, наконец, не очутился я среди элегантнейшей публики на палубе большого парохода со стаканом *café glacé* в руках. Муратов¹⁶ хорошо присоветовал мне сесть на 4-х часовой пароход, идущий в Сорренто не прямо, а вдоль всего берега Соррентийского полуострова, ибо этих мест я раньше никогда не видал, а они изумительно красивы. Но сначала долго плыли мы мимо Везувия. *Ce grand vieillard, sournois et méchant, mais si coquettement bleu, ce géant malicieux et charmeur*** надвигается уже из-за первых огромных и прокаженных домов города у вокзала: он медленно попыхивает белыми облачками; над срезанной вершиною конуса вырастает белый шар, или коринфская капитель, и потихоньку расплывается, выпихиваемая новым белым клубком. Проплыв мимо Везувия, пароход прямо устремляется к отвесным скалам впереди, оставив налево бухту белёющего в далекой низине Каstellамаре, и движется вдоль почти сплошной высокой каменной стены с пещерами, заливаемыми волною. У четырех разнообразно и причудливо расположенных по берегу селений до Сорренто происходит высадка пассажиров: к пароходу подплывают большие лодки и, подхватив путников, скрываются в скалах. Над отвесными утесами громоздятся замки, церкви, виллы,

* Корзинка с провиантом, продававшаяся на вокзале.

** Этот благородный старец, угрюмый и злой, но столь кокетливо-голубой, этот хитрый чарующий гигант (фр.).

по оливетам* горных склонов. Мгла потушить краски не могла, море синело, хотя к закату солнце спряталось за медными тучами. Вышел в Сорренто из лодки, хотел я сесть в автобус на Капо**, но подскочил человек, спросил, не в Минерву ли я еду, не к Максиму ли Горькому, и предложил отельный автомобиль, в который затем погружены были еще три англичанки. Мы полетели сырыми и дикими коридорами между скал, забираясь зигзагами в гору (Сорренто показалось вовсе не "сладким", как я его воображал, а диким до неуютности), и, проскочив через городок, покатались по рампе над морем. Минерва оказалась милой, простой и комфортабельной одновременно. Тариф (или, как Лидия пишет: тариё) 38 лир в день, кормят хорошо и очень сытно.

С террасы Горького нас завидели. Я сейчас же пошел к нему, встретил он меня очень сердечно и оставил у себя обедать. После виски был подан борщ. Сразу же коснулись вопроса о журнале. Ему предложили из Советской России издавать на государственный счет журнал, который составляться будет им за границей, а печататься в России. Он ответил согласием при условии, что ему будет предоставлена безусловная свобода, что цензуры над ним не будет. Ответ еще не получен. При этом Горький заявил мне, что, допустив своеволие, за которое извиняется, он поставил, между прочим, условие, что редактором отдела поэзии должен быть Вячеслав Иванов. Я ответил, что прошу его на этом условии отнюдь не настаивать, тем более, что я еще не уверен, что могу принять на себя это трудное по тактическим причинам дело и даже если бы принял, не хочу нести один эту ответственность, а непременно с ним вместе, так что я был бы скорее его советником и предоставлял бы ему окончательные решения, — на что он ответил: "Благодарю вас". В тот же вечер мы уже успели поговорить кое о чем важном и принципиальном, в большом согласии, и, кроме того, по моему настоянию, состоялось необычное в его доме дело: он читал свои вещи, а именно повесть "Тараканы", которая потом обсуждалась. Это было в четверг, а вчера, в пятницу, была прочтена "Безответная Любовь", сегодня, ибо я кончаю письмо по возвращению от него, в два часа ночи, — "Голубая Жизнь".

Впрочем, за поздним часом, умолкаю. Мы гармонизируем больше, чем я ожидал. Он, вопреки моим ожиданиям, совсем молодой, без седых волос, с рыжими усами, высокий, тонкий,

* масличные рощи.

** Capo di Sorrento — местность, где жил Горький.

чрезвычайно скромн, — уверяет, что учится писать, ибо еще не умеет, — ни следа старости или размяклости, сердечно вдумчив, часто глубок, похож по душевной проработке и просветленности на человека христианского подвига.

Но довольно! Упомяну только, что сегодня написал он, по моей просьбе, своей первой жене, Екатерине Павловне, работающей в Красном Кресте и, по его словам, пользующейся огромным влиянием на Дзержинского и его компанию, чтобы нашему Сержику¹⁷ выдали без затруднений заграничный паспорт. Он надеется, что письмо (espresso-Luftpost) еще застанет ее в Москве, откуда в первых числах сентября она выезжает в Сорренто в гости, как приезжала и прошлый год. "Я с нею в самых дружеских отношениях, — прибавил он, — как и с Марией Федоровной Андреевой, с которой я жил десять лет; мне удавалось избежать с близкими женщинами драм"... Сын его зовет его "Алексеем". Но здесь я решительно побил рекорд, ибо мой сын именует меня в репримандах "mon fils"* — мальчики, Павлик и Эрдман хохотали от души, когда я сообщил им за обедом эту цитату из Димы (о социальном положении "опущенных" маркизов Квинтилийев)¹⁸. Завтра я подговаривал Макса (Максима Алексеевича Пешкова, сына Горького от Екатерины Павловны) свозить меня и милую Валентину Михайловну Ходасевич¹⁹, любительницу таких путешествий, на знаменитой мотоциклетке в Амальфи, где я никогда не был; но в воскресенье нельзя, — опасно, ибо автомобилисты устраивают по приморской дороге бешеные гонки, и решено ехать в понедельник. Из-за этого отложу отъезд — должно быть до среды. Еще здесь Кауны (американский профессор, по признанию Горького, ему сильно надоел, он все его интервьюирует и записывает, составляя с его слов курс новейшей литературы для Калифорнии, — между тем как миссис Каун работает над бюстом знаменитого человека). Очень рад Катилине и Цирcee, но этого мне мало, нужно сделать много, много thèmes²⁰. Также помнить о действиях над простыми дробями, тройном правиле, процентах и прочее, а равно и о Телемаке...»

Из проектированного Горьким журнала ничего не вышло. По приглашению Горького В.И. собирался сотрудничать в берлинском журнале «Беседа»²¹, но журнал этот в скором времени прекратился²². /.../

Долгое время шли разговоры о проекте, крайне привлекающем Вячеслава, о переводе всей «Божественной комедии»²³.

* мой сын (фр.).

Но из этого ничего не вышло. Говорилось также и о возможности нашего переезда в Египет. Филологический факультет университета Каира хотел пригласить Вячеслава. Но этому воспрепятствовал его тогдашний советский паспорт. Затем все было налажено, казалось, с ordinарной профессурой в Кордове, в Аргентине. Уже говорили об отъезде, но, как это нередко бывает в этих странах, в Аргентине случился государственный переворот. Приглашение в Кордову было аннулировано.

РАЗЛУКА. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ, ОДИН, «ИЗГНАН» В КОЛЛЕДЖИО БОРРОМЕО

Весь этот мучительный период кончился осенью 1926 года, когда совершенно неожиданно пришло Вячеславу приглашение от священника Леопольда Рибольди приехать в Павию, чтобы там жить и работать.

Дон Леопольдо Рибольди (1885-1966), ректор Колледжио Боррмео в Павии, был тогда еще совсем молодым. Он был худой, среднего роста, брюнет, с живыми, постоянно загорающими глазами, с красивыми чертами лица, гибкий; он жадно изучал каждого нового любопытного для него человека, старался вжиться в его судьбу, выдумывал за него цели, к которым тот должен был стремиться, и в своем увлечении часто страшно преувеличивал его способности. Заинтересовавшись человеком, он ему не давал покоя, требуя от него все большего и большего. Он говорил: «Я люблю найти огонь в людях и, когда найду, стараюсь его разжигать». Он был великодушный, смелый, опрочечивый. Любил сочетать людей, выдумывал иногда совсем неожиданные предприятия. Иной раз талантливо, и все выходило; иной раз неудачно, и кончалось ему во вред. Но он никогда не унывал, не останавливался и, оставляя старые увлечения, предавался новым. Эта потребность постоянного волевого движения, думается мне, была у него отчасти врожденной, а отчасти зависела от внутреннего отсутствия душевной гармонии, побуждающей его искать ее вне себя. Он принадлежал к поколению священников «модернистов», перечитал всю французскую литературу этого движения; учился он в Риме в Ломбардской семинарии, где находился в свое время и знаменитый священник модернист Буонаюти²⁴. Он с ненавистью рассказывал про своих руководителей и их педагогические методы. После такой студенческой подготовки, опять-таки предполагаю я, нелегко было стать священником и руководить людьми. Отец Рибольди очень много

читал и создал себе большую культуру. Принадлежал он родом к высшему обществу, имел изысканные манеры, поэтому при его доброте и чуткому интересу к людям с ним было всегда невероятно легко, интересно и весело.

Один из наших хороших друзей, к сожалению, не помню — именно кто (быть может, Николай Оттокар²⁵), заговорил с отцом Рибольди о Вячеславе, объяснив ему, кто это такой, советуясь, как бы ему помочь. Отец Рибольди сразу загорелся, заинтересовался, решил ему помочь и устроить его близко от себя. По соглашению с руководящим советом Колледжио он пригласил его в Павию с поручением помогать студентам в их научных работах и читать с ними французских, английских и немецких классиков. Кроме того, отец Рибольди сильно способствовал тому, что Павийский университет предложил Вячеславу читать курс по русской литературе.

Это была помощь свыше. Хотя Вячеславу и жаль было покидать на время Рим, но с его сердца скатилось большое бремя.

Колледжио был создан князьями Борромео. Их цель была дать пятидесяти юношам бедных семей Ломбардии университетское образование. Выбор этих пятидесяти студентов происходил посредством специального конкурса. Победители становились гостями Колледжио и могли в нем жить до конца своего учения. Они посещали Павийский университет. Чтобы иметь право на пребывание в Колледжио Борромео, требовалось получить максимальные отметки на всех экзаменах.

Колледжио Борромео — настоящий дворец, перл архитектуры. Его сады расположены вблизи реки Тичино. Вячеславу было отведено в palazzo целое отдельное помещение из 2-3 комнат. Стены palazzo были такие монументальные, что в амбразуре окна, внутри стены, оставалось целое свободное пространство, и Вячеслав в него вставлял стул и столик, где он любил сидеть и работать. Как и во всем palazzo, у Вячеслава висели на стенах в тяжелых золоченых рамах драгоценные картины, на полу были разостланы прекрасные ковры, а высокие потолки радовали взгляд своими кессонами и расписными сводами. Входящий в palazzo вступал в очаровательный обширный двор, окруженный высокой колоннадой, прекрасный образец архитектуры Возрождения. В нижнем этаже была капелла, где ректор служил каждое утро для желающих обедню. Были разные залы для студентов, обширная библиотека. За трапезами соединялись все вместе: ректор и Вячеслав сидели тут же, но за отдельным столиком, Вячеслава забавляло, как студенты за обедом хором выкрикивали: «Eg-ba! Eg-ba!» (травы! травы!). Они тре-

бовали, чтобы им принесли овощи. Сам он этому совсем не сочувствовал, он любил мясо. В Колледжио Борромео женщинам запрещено было жить, и потому во время академического года мы с Вячеславом были разлучены и оставались с Димой в Риме.

Дон Рибольди не остался много лет в Колледжио Борромео. После него были другие ректоры, но благодаря ему Вячеслав вошел органически в состав Колледжио и остался там до своего семидесятилетнего возраста, в котором по итальянским законам профессора уходят в отставку. До этого он жил в течение всего академического года в Павии и ездил в Рим лишь на каникулы. Последний ректор, с которым Вячеслав дружил, был ученый библист и гебраист монсиньор Ринальдо Нашинбене.

Колледжио с любовью и гордостью вспоминает пребывание Вячеслава; во время торжественного празднования столетия его рождения была открыта мемориальная доска в стене колоннады двора.

Дон Рибольди после глубокого внутреннего кризиса принял решение сделаться монахом (до этого он принадлежал к белому духовенству). Ему захотелось войти в орден Розминянцев²⁶. Он открыл это свое желание своему духовному руководителю, кардиналу Шустеру, архиепископу Миланскому. Но кардинал не одобрил его выбора и советовал сделаться доминиканцем, сказав, что Доминиканский орден сейчас в упадке и поэтому нуждается в притоке свежих сил. Отец Рибольди прожил еще долго, делал различные работы для ордена. Последние его труды были направлены на спасение от полной гибели фрески Тайной Вечери Леонардо да Винчи. Он участвовал в организации многолетних работ по реставрации ее и церкви Санта Мариа делле Грацие, полуразрушенной во время войны.

В первый раз я лично посетила Колледжио Борромео на Пасхе 1927 года. Дон Рибольди пригласил нас с Димой на два дня, чтобы мы могли провести Вячеслава. Позвал он меня в большом секрете — присутствие женщин в Колледжио было строго запрещено. Были чудные весенние дни. У ворот нас строго и благосклонно приветствовал Garlaschelli, старый, усатый и маститый швейцар, служащий в Колледжио с незапамятных времен. Вячеслав был веселый, радостно водил нас по всему дворцу и повел знакомиться с ректором. Дон Рибольди, как хозяин, был очарователен, гостеприимен, ласков и притом скромно отходил в сторону, чтобы не мешать интимности нашей встречи. Его благородный облик, соединенный с окружающей аристократической красотой Колледжио, навел меня на образ утонченного

древнего «тирана». Позже, когда мы с ним ближе сдружились, я его иногда шуточно так называла. На Пасхе Колледжио был пуст: студенты разъехались по домам; остались лишь двое или трое. Им на следующее утро после нашего приезда Дон Рибольди поручил нас покатать на гребной лодке по Тичино. Это была незабываемая прогулка по весенним, широко разлившимся водам. Лодка то скользила по широким, глубоким водам, то входила в узкие заросли кустарников. Пар, стоявший в воздухе, был пронзен обжигающими солнечными лучами, природа просыпалась. В этот же день у меня с Дон-Рибольди состоялась очень глубокая духовная беседа, положившая начало нашей многолетней дружбы. У Вячеслава с Рибольди также завязалась глубокая дружба. Но как только дело доходило до вопросов философских и богословских, они начинали ссориться.

**«ВСЯ ВАША ОБЯЗАННОСТЬ:
БЫТЬ С НАМИ, ЖИТЬ С НАМИ»**

Итак, Вячеслав поселился на все время университетских занятий — правда, прерываемых длинными римскими каникулами — в Павии. А мы с Димой остались в Риме. Это была первая разлука. Вячеслав писал часто длинные подробные описания своей новой жизни. Вот первые впечатления о Колледжио, о Рибольди, о городе.

«30 окт[ября] 1926

Вот, получил я и первое письмецо сюда — вашу, сиротки мои, открыточку, когда после ужина (нет, здесь все так элегантно, что лучше сказать: обеда), около 8 1/2 вечера пошли мы философствовать о судьбах национализма и возможностях будущего объединения всего человечества (по Данту) в кабинет Дон-Леопольда втроем, — а именно, хозяин, я и молодой гость, который докторирует одновременно трижды: в Павии по факультету госуд[арственных] наук (диссертация о Мильтоне), в Турине по юридическому факультету (диссертация о Гоббсе) и в Милане по философии (диссертация о Ницше). *Voilà un génie précocé!** Ничего, милый молодой человек, не очень умный.²⁷ Напротив, Дон Леопольдо блистал и красноречием, и умом, и образованием. Бедовый человек, на которого, по словам Грициотти²⁸, в университете многие косятся, а другие — фашисты его поддерживают. Но влия-

* Вот скороспелый гений! (фр.)

ние его распространяется и на университет, так что ему удалось разгромить целую филологическую школу недавно умершего латиниста Паскаля²⁹ и изменить все направление классического преподавания в смысле приближения последнего к истории и политическим наукам. Передав мне вашу картолину, он прекратил разговор со мной и заставил меня раньше прочитать ее. И еще за обедом заявил, непрошенный, что устроит ваше переселение сюда, чтобы "укоренить" (inradicare) нас в Павии: Диму-де устроить в школе, а ты-де будешь давать уроки музыки; мне оставалось только упомянуть, что ты хотела бы устроиться вблизи от меня органисткой. Одним словом, он думает обо всем, по-видимому, день и ночь, заботится каждую минуту, чтобы я надевал, проходя по лестницам, свою "calotta", "bella calotte" или "bel beretto", чтобы я не выходил без пальто и прочее. Сегодня в пять часов я едва проснулся и еще нежилась, глядя на расписной свод и думая: "а я здесь так избалуюсь, что никакие меблированные комнаты мне не будут нравиться, — где я найду такую спальню, — да еще с cabinet de toilette?" — когда он постучался ко мне в дверь и вторгся, весело восклицая: «пять часов, я пришел показать вам дорогу в комнату, где для вас приготовлен чай, где вы будете иметь чай всегда в 5 часов, в отдельной комнате, чтобы никто вам не мешал; вставайте, я вас жду в "salone" (то есть в моем sitting-room)», — и едва я вышел, повлек меня по каменным винтовым лестницам в подвальный этаж, где за кухней оказалась преуютная комната с накрытым чайным столом. Чай устраивают для меня одного. Проходя через кухню, я сказал ему: "остановитесь, я хочу полюбоваться на кухню". Он был очень рад и принялся показывать в присутствии улыбающейся кухарки (вся прислуга необычайно ласкова и почтительна) огромное помещение, блестящее идеальной, недостижимой ни для какой немецкой хозяйки, чистотой. Кругом низкие закрытые шкапы, как в старинной библиотеке, полные красивой посуды. Колоссальная плита в центре сводчатой залы снабжена какими-то фонтанами, из которых струится кипяток. Все так выложено, прибрано и красиво, словно здесь и не работают, а устроили всё для какой-то выставки. Предоставив меня чайному удовольствию, мой капитан Немо по обыкновению исчез. Замечаю, что рассказываю этот день в ретроспективном порядке. Утром решил я первый свой выход в город посвятить маленькому паломничеству к гробнице мною особенно почитаемого и любимого блаженного Августина, как его называют на Востоке, тогда как

* шапочка (итал.).

на Западе он, как известно, Santo. По дороге зашел сначала в S.Michele, где короновались еще лангобардские короли, и был восхищен нетронутой средневековой красотой этой погруженной в фантастический сумрак романской церкви. Рака святого Августина, чудо скульптуры XIV в., возвышается над его останками, перенесенными из Африки лангобардом Лиутпрандом в VIII веке. На мраморной доске вырезано имя епископа Рибольди, — это дядя Дон Леопольда, кардинал, по настоянию которого в 1900 г. мощи были перенесены из Павийского собора в эту церковь (S.Pietro in Ciel d'Oro), где они первоначально находились. На другой доске вырезаны прекрасные латинские стихи Льва XIII об этом перенесении с похвалой "ученой Павии" (docta Pavia), — ибо ее университет восходит к IX веку. Но отыскивая церковь "св. Петра в Золотом Небе" по грязным улочкам на окраине города, я имел меланхолические мысли о смиренном конце такой огромной славы, как слава Августина. Оглядел по дороге университет, где уже вчера мельком был: ряд его прекрасных дворов, обнесенных прекрасными двухъярусными ренессансными аркадами — но не такими грандиозными, как у нас; на одном дворе статуя Вольты /.../, который был здесь профессором. И много других статуй и бюстов. Потом на главной почте опустил первое мое письмо вам, посланное espresso, чтобы захватить вас еще у Четырех Фонтанов. К обеду, накрытому в новой, устланной ковром столовой, весьма комфортабельно, на пять человек, было приглашено, кроме брата Рибольди, двое моих студентов-приятелей, с коими говорю я, почти исключительно, по-французски. Рибольди также говорит, хоть и неважно, по-французски. Кстати, еще утром притащил он мне пять французских книг о Владимире Соловьеве из своей библиотеки, чтобы "я вспомнил о родине". Впрочем, я рассказывал ему накануне о своей личной близости с Вл[адимиром] Сергеевичем. После обеда, так как мы заговорили о Павии, городке грязном, некрасивом, глубоко провинциальном по виду улиц и магазинов (что-то вроде большого Тиволи), но заключающем в себе много шедевров архитектуры и *hérissé de tours médiévales**, Дон Леопольдо предложил юношам (*qui ne désiraient pas mieux***) показать мне мост через Тичино, и мы пошли по живописной набережной, со спусками к реке, покрытыми травой, как в Москве, и с видами на большие леса (да, леса!) со всех сторон за городом, к прелестному мосту, крытому, как Ponte Vecchio во Флоренции, с цер-

* оцетинившегося своими средневековыми башнями (фр.)

** которые ничего другого и не желали (фр.)

ковкой S.Giovanni Nepomuceno посредине моста. В Праге есть также знаменитый мост св. Непомука, который, очевидно, имеет какое-то отношение к мостам. Потом пошли мы в грандиозный собор, где романское сочетается довольно гармонично с искусством Браманте; потом в прекрасную готическую церковь Maria del Carmine. Вернувшись, я спал, доколе Дон Леопольдо не закричал у двери: "Пять часов — чай готов"... и т.д., о чем я уже рассказывал. Сегодня появилась у меня, подле scrivania, этажерка для книг. Мой серый "салон", кроме освещенного стола, за которым пишу, погружен в полутьму, — освещенный только большим красным фарфоровым фонарем в расписном своде; оба большие окна завешены длинными белыми прямыми гардинами; из фантастического сумрака в красном озарении выступает красный кардинал над длинным диваном. Тишина мертвая. Кажется, я один в целом этаже северного корпуса. Почти жутко, но не жутко, а очень романтично: привидения были бы уместны. Хотел начертить маленький план положения моих комнат и для точности чертежа захотелось мне знать, сколько арок на каждой стороне дворового квадрата. Я вышел из своей передней в другую, из которой направо спускается вниз каменная спиральная лестница, а налево выходишь на верхнюю галерею под арки. Но ночь была столь темна, что пройти под арками, как я люблю, было невозможно. Зато я полюбовался на силуэт ближайшей аркады на тусклом небе: чудесная огромная арка en plein cintre* опирается с каждой стороны на пару сероаморных ионических колонн. Так как я потушил выходя электричество, то с трудом нащупал двери. Из нижнего яруса в верхний ведут с двух сторон две монументальные лестницы и по углам винтовые, каменные. Никак не могу научиться опознавать в симметричном квадрате, где что: где моя дверь, где ректорская, где выход и т.д. Ориентируюсь по большим часам против главного портала: моя дверь в углу галереи направо от часов».

Из окон своего нового жилища Вячеслав любителю на прекрасную ломбардскую равнину. Через четыре дня после первого письма он пишет:

«3 ноября 1926

...Impressions: — мы на окраине города, на краю кампани. Притом, Palazzo построен на возвышенности, образующей над садом высокую террасу, и его этажи так высоки, что мой

* полукруглая арка (фр.).

primoriato* соответствует, вероятно, вашему quarto на Восса di Leone. Поэтому здание господствует над долиной реки Тичино, и природы не застыт рассеянные там и сям среди зелени группы небольших домов с кирпичными крышами. Вот что я люблю: поставить мягкий стул на вторую ступеньку глубокой оконной ниши в спальне, завеситься от комнаты прямо падающими складками больших белых гардин и в такой палатке сумерничать, греясь в теплом халате и глядя в окно, кажущееся скорее узким при его большой высоте. Тишина; мелодические многотонные перезвоны на близкой колокольне; или вой осеннего ветра; частенько гроза. Фонтан, устроенный каскадиком в нише задней стены сада, неумолчно шумит издали. С циклопической террасы, большие плиты которой поросли травой, ведут в сад монументальные лестницы. Их из моего окна не видно, но виден перпендикулярный к террасе тосканский портик, ограничивающий справа узорно разлинованный партер газона. За портиком и партером с несколькими деревьями *передний* сад (есть еще боковой, полный деревьев, — его не видно) расширяется и образует огромную поляну, окаймленную дорожками, бегущими вдоль кустов роз, которых теперь нет, — а весной будет изобилие. Все это охвачено высокою каменною стеной и подо мной лежит как на ладони. За стеной длинная полоса чужого тенистого сада, а за этою полосой обсаженная деревьями прямая дорога, по которой редко-редко промчится автомобиль. За дорогой широкая водная полоса зеленовато-мутного Тичино, долго прямая, потом поворачивающая в сторону. За рекой сначала домики, отражающиеся в воде, потом boschi — леса. За ними в ясную пору образуется возвышенная равнина, ограниченная на горизонте красиво вырезанною цепью холмов, чуть не гор. Но обычно за рекою туманы. Все это — правая сторона пейзажа, а левее — сады, домики, опять сады, колокольни, где-то вдали две-три фабричных трубы. Славно! Ветер смахивает желтые листья с деревьев; они крутятся и хотят долететь до моего окна, но оно высоко. Если выглянуть из окна вниз, увидишь хозяйственный дворик, существующий испокон веков, так что правый портик сада никогда не имел своего полного pendant и его колоннам соответствуют плоские пилястры на обращенной в сад стене дворика. Но дворик тоже славный: большой черепичный навес, перед ним в углу платан; изгородь, и за нею семь куриц; собака — крупный cane-lupo** — на длинной цепи; белый домик с цве-

* первый этаж... четвертый этаж (на улице, где жили Лидия и Дима Ивановы).

** овчарка (итал.)

тами. Так сживал в сумерки, в этом самом халате, женевский изгнанник, дедушка ваш Дмитрий Васильевич³⁰, и смотрел вдаль, на деревья и на Рону, и о России не вздыхал; в осенней сумеречной тишине следил, как течет река, как уплывает жизнь, — и был доволен покоем.

Дон Леопольдо, с едва пробивающейся сединой в темных волосах, напоминает мне иногда живую мимикой лица, то озабоченного волевого, повелительного, то веселящегося подвижной, нетерпеливой, быстро бегущей мыслью, — нашего Моисея Альтмана³¹. Он умница и всезнайка, и любит остроту, парадоксы, радикализм мысли, любит полчаса после обеда поспорить, но недаром я зову его "миланцем, да еще побывавшим в Америке" — он не теряет ни минуты — *time is money* — деловито строг и расторопен, холерик и неустанный работник, практический затейщик и выдумщик, — тогда как Альтман, как известно, лентяй, ветрогон, и вечный диллетант. Вчера Рибольди ездил в старый семейный дом в окрестностях Милана, где их фамильные могилы и собственная церковь. Вот исторический о Рибольди анекдот. Когда миланский кардинал Ратти уезжал в Рим на конклав, то Леопольдо пожелал ему не вернуться. Тот ответил: "Pie scioscchezze"³². Ратти стал Пием XI. При свидании вспомнили сбывшееся напутственное пожелание — "scioscchezze, — сказал Дон-Леопольдо, — я взял себе, а Pie досталось вам"³³. — Каламбур и любезность в духе Альтмана.

Сегодня вечером моего капитана Немо не было. Утром он устраивал в портике сада большую доску из черного мрамора в старинной из пестрого мрамора барокной оправе, золотыми лучами и надписью, которую сам сочинил: "Alumnis morte pro patria funetis. 1914-1918. Non nomina adsint, numina" (т.е. "воспитанникам, умершим за отечество в годы войны. Пусть не имена их будут с нами, а души и сила"). Всего их было пятеро; имен вырезать на камне не пожелал: они-де есть в архиве, куда попал и мой curriculum. Все он устраивает по своим рисункам, и часто удачно; мастер на лапидарные изречения. Разговаривать со мной до завтрака не захотел. За завтраком я спрашивал его, как, по какой программе и учебникам, мы наладим немецкие уроки. "Это будет видно, они уже все учились по-немецки в гимназии. Не это важно. Tutto il vostro compito ei essere con noi, stare con noi, vivere con noi"³⁴. Никаких форм, разговаривайте с нами где и как хотите — после завтрака, сидя, стоя, гуляя под

* Благочестивые глупости (итал.)

** Вся ваша обязанность: быть с нами, находиться с нами, жить с нами (итал.)

портиками. Потом от 6 до 7 ежедневно кроме субботы и воскресенья, будут уроки с желающими учиться; какие — зависит от приглашения с ними“. Пришел Реоніо (или Веоніо) — философ, трижды докторирующий. Разговор о Ницше. ”По-моему, троих следовало повесить: Лютера, Руссо и Ницше. Но Иванов великолепно говорит в защиту Ницше. Как же, значит?..“ и т.д. Потом капитан Немо бесследно исчез, и обедал я опять один, а вчера один и завтракал и обедал — кормили меня курицей под разными видами...»

В уютном Колледжио Борромео Дон Рибольди умел создать оживленную, острую, духовную атмосферу и был постоянно быстро воспринимающим полемическим и провоцирующим собеседником.

«17 декабря 1926 г.

/.../ Вчера неугомонный Рибольди устроил политическую дискуссию о фашизме после английского урока от 11 до 1 часа ночи и в заключение пристал ко мне: отчего я молчу? Я говорю, что иностранцу не приличествует вмешиваться в обсуждение вопросов национального строительства. Но он настаивал, и тогда я заявил, что правильным считаю поставление во главу угла вопросов реальной политики, экономических и социальных; что абстрактного либерализма и демократизма не одобряю, идеям французской революции не друг и не раз предостерегал своих [?] товарищей студентов от отвлеченного республиканизма (все это было фашисту-священнику сладостно выслушать), — вопроса о национализме касаться не буду за его невыясненностью и просто не знаю, имеет ли он еще будущее в мире или нет, ввиду наличности сильных противоположных движений (интернационализм), представленных с одной стороны коммунизмом, с другой Церковью (и это все было приемлемо!); но, чтобы не быть неправильно понятым в своем протесте против французских демократических лозунгов (*liberté — égalité — fraternité, droit de l'homme** и пр.), считаю долгом заявить, что свободу личности признаю высшею религиозно-моральною ценностью и не одобряю точку зрения крайних государственников (каковы фашисты), по которым личность только средство достижения государственных целей; не одобряю заявление, что государство должно быть христианским, а не языческим; Церковь поставлю выше государства, христианина выше гражданина, и одобряю государство лишь в той мере, в какой оно благословля-

* свобода — равенство — братство, права человека (фр.).

ется Церковью. Здесь произошел горячий спор с антиклерикалом в рясе, который воскликнул, что это есть подчинение государства Церкви — что так пишут в *Osservatore Romano**; я же заметил, что русские слишком хорошо знают, что значит обратное — поражение Церкви государством... Итак, в горячем споре, при нейтралитете студентов (кроме одного розминианца, мне сочувствующего), мы разошлись спать».

Из университета пришло — еще до окончательного назначения на место профессора — приглашение прочесть цикл лекций о русском духе и о русской культуре. К этим лекциям Вячеслав усердно готовился. Читал много книг о русской истории, о истории русской церкви. Лекции прошли с большим, каждый раз увеличивающимся успехом, так что приходилось переходить в последнюю минуту из аудитории в более большой зал, таков был наплыв слушателей. Лекции читались 23, 24, 25 и 26 января 1927 года в 5 часов в Павийском университете. Общее заглавие цикла: «Религиозная мысль в современной России». Тема первой лекции: «Русская церковь и религиозная душа народа». Вторая лекция: «Теза и антитеза: славифилы и западники». Третья лекция: «Толстой и Достоевский». Четвертая лекция: «Владимир Соловьев и современники». Лекции прочитал Вячеслав на французском языке — хотя он свободно говорил по-итальянски. Ввиду успеха университет попросил добавить еще пятую лекцию, и эта была произнесена по-итальянски и продолжала и углубляла тему четвертой. Вспоминая о первой лекции цикла, Вячеслав пишет (29 января 1927 года):

«Кстати о первой лекции: Рибольди злился за длинное введение, для меня однако *необходимое*, первое, о том что такое религиозная мысль в отличие от теологии — сравнение с Паскалем, Бональдом, Де Местром, Розмини и т.д. Второе: о важности моего предмета для вопроса о воссоединении церквей, восточной и западной (и о том, что католичество должно многому научиться у востока); третье: о попытке большевиков дехристианизировать Россию и об атеистической русской школе».

«Я КРУГЛ, КАК ЛУНА, И КРАСЕН ДО УШЕЙ, КАК ЛИЛОВО-КРАСНАЯ РОЗА»

Афиша, возвещающая о лекциях Вячеслава, была заказана студенту и художнику Глишштейну. Он же решил сделать портрет Вячеслава.

* Газета, выходящая в Ватикане.

«10 февр[аля] 1927

Твое предпоследнее, Лидия, письмо (написанное отчасти у Мюеров²²) имеет такое свойство, что, найдя к нему с трудом ключ, т.е. его начало и порядок страниц, читатель уже не может остановиться, но читает его теоретически-вечно, как *repetuum mobile*, так как оно кончается началом, из которого нет выхода, кроме того же заколдованного лабиринта страниц, приводящего опять к началу, и т.д. Верно, его заколдовал the *Lucky Black Cat** гениального Курлыкова³³, графическому таланту (отлична и группа котов) которого очень помогает тушь. Не чета Курлыкову наш Глициштейн, который после византийской Мадонны (плаката о моих лекциях) создал маслом портрет Рибольди и, дегенерировав *il reverendo modernista*** , упал, как молния, на мою голову, едва я успел послать вам № 20, и в два сеанса маслом дегенерировал меня. Вчера мы с молодым профессором Веонио (который учится по-русски и, прослушав неделю назад сызнова с партитурой Вагнерова тетралогию, внезапно из яркого вагнерианца обратился в Вагнерова ненавистника, — *un génie*, повторяю и настаиваю!) — в присутствии художника, — хохотали безудержно минут десять, любуясь на упомянутый мой портрет. Сигналом ко взрыву веселости послужило мое грустное замечание: "этот человек и двух недель не выживет, он накануне апоплексического удара". В самом деле, я кругл, как луна, и красен до ушей, как лилово-красная роза, распух от прилива крови к голове. Голубые косо прорезанные глазки глядят весело из-за сияющих золотом очков и видимо не подозревают о неизбежной и скорой участи их обладателя, тогда как нос чует какой-то неприятный запах или собирается чихнуть. *La bocca é storta**** и свидетельствует о сильной *dégénérescence*****, как и подпирающий ее круглую пуговицей, сдвинутой набок, гнусный подбородок, окруженный занавесами жира. Бело-желтые волосы выбиваются пучками из-под черной *calotte*. Плечи задрапированы в складки черного плаща. Фон фиолетово-розового апоплектика ядовито-зеленый. И при всем этом, как ни больно в том сознаться, огромное сходство. По мнению Бэонио, добрый малый, совершенно чуждый иронии, добродушный и простодушный, имеет, при несомненных больших способностях к живописи, какой-то дефект в глазу: он видит все вещи

* Черный Кот, приносящий счастье (англ.).

** Преподобный модернист (итал.).

*** рот кривой (итал.).

**** дегенеративности (фр.).

окарикатуренными, не подозревая сам, что видит карикатуры вещей, и находя их в этом виде красивыми. Он устраивает теперь в Павии выставку своих картин: посмотрим, что́ это будет. Впрочем, портрет еще не закончен, и чем дольше на него смотришь, особенно издали, тем больше оцениваешь уловленное сходство.

«ИСТИННЫЙ ИЗРАИЛЬТЯНИН, В КОТОРОМ НЕТ ЛУКАВСТВА»

В Колледжио приезжают все чаще друзья из разных стран или новые знакомые. 24 марта 1927 г. Вячеслав встречается с Мартином Бубером³⁴. Свиданье это оставило большое впечатление на всю жизнь В.И., и дружба сразу объединила обоих.

«26 марта 27

...о весне я могу здесь писать бюллетени, ибо живу наполовину в деревне. Уже десять дней тому назад катал меня мой приятель студ[ент] Cremante в лодке вверх по Тичино до S.Lapfranco — далеко, — греб он стоя, по-венедиански, — и было очень хорошо на широкой, залитой солнцем реке, в виду еще голых роц и старинного города. — Четверг (третьего дня) был установленным днем визита ко мне доктора Мартина Бубера с женой. Напомню, что он редактор журнала Die Kreatur (где напечатана "Переписка" и где я и еще, вероятно, буду сотрудничать), переводчик Библии на немецкий язык (я писал об этом новом изумительном переводе, который мне высылается, — уже имею четыре тома) и профессор истории религии во Франкфурте на Майне. Рибольди послал меня в автомобиле встречать их на станции Certosa, потом мы осматривали монастырь и церкви в Павии (автомобиль нас ждал), потом Рибольди угощал гостей тонким завтраком, потом сидели в салоне и беседовали, потом супруги еще раз заходили со мной в церковь S.Michele (XI века), в которую влюбились, потом был в Collegio подан чай, наконец Рибольди увез чету в пять часов в экипаже на вокзал. В восемь часов они уже должны были выехать из Милана в Бринди-зи, чтобы поспеть к пароходу в Египет; из Каира они направятся по железной дороге (о существовании которой я не знал) в Иерусалим. Подеста* звал гостей в университет, где ждал их, но времени для этого визита не нашлось. Рибольди, Бэонио и

* Мэр города и декан филологического факультета.

Маркаццан³⁵ с жадностью напали на представителей интеллектуальной Германии, чтобы разузнать, что там нового в мире идей.

Бубер оставляет сильное впечатление: это еврейский праведник с глазами, глубоко входящими в душу, — "истинный израильтянин, в котором нет лукавства", — как сказал Иисус Христос про Нафанаила. Понимает он все душевно и умственно с двух слов. Он полон одной идеей, которая и составляет содержание умственного движения, им возглавляемого; эта идея — вера в живого Бога Творца, и взгляд на мир и человека, как на творение Божие. На этом, прежде всего, должны объединиться, не делая в остальном никаких уступок друг другу, существующие в Европе исповедания. Человек много возмечтал о себе и забыл свое лучшее достоинство — быть творением Божиим по Его образу и подобию. Не нужно говорить о Божестве, как предмете веры, это разделяет и надмевает; нужно Европе оздоровиться сердечною верою в Создателя и сознанием своей тварности. Эти стародавние истины звучат в современности ново и свежо. Сила их провозглашения лежит, конечно, в личностях, ими по-новому вдохновленных. Вся философия и наука делается учением о тварности. Пафос движения — пафос дистанции между Богом и человеком. Большая любовь, и особенно любовь к религиозности, как таковой, — и верности своему исповеданию и благочестию. Очень замечательна жена Бубера, католичка по рождению, а по убеждению — как она говорит — "то же, что ее муж". Говорит мало, но необыкновенно умно и содержательно, лучше чем он сам. У них в Геппенгейме, между Гейдельбергом и Дармштадтом, дом и сад. Раз в неделю он ездит на лекции в Франкфурт. Она все знает, что и муж, и ходит за садом: она называла, по форме листьев, все цветы, еще не распустившиеся, нашего сада. У них сын и дочь, но оба обзавелись собственной семьей и живут отдельно и имеют детей; а Буберу, бабушке, всего 49 лет. Его сотрудник по переводу Библии Розенцвейг, который, вследствие какой-то формы склероза, не может ни писать, ни двигать предметом, ни говорить. Он только показывает буквы на пишущей машинке, и его жена угадывает слова и записывает. И в таком виде он работает неустанно и очень производительно. Интересные и чистые люди. "Модернизм" Рибольди Бубер сильно не одобрил».

«ОГРОМНЫЕ СПОРЫ О РОССИИ»

В ту же эпоху приходят вести от русских друзей. Зуммер, бакинский приятель, передает в письме привет от Волошина:

«Макс Волошин вспомнил меня и прислал через Зуммера милый, нежный привет и великолепные стихи» (27 февраля 1927 года).

Выступал в университете и историк, крупный знаток Флорентийской коммуны, бывший ректор Пермского университета, Николай Оттокар.

«9 мая 1927 г.

...Оттокар, хороший и смешной, ночевал в Collegio три ночи. Рибольди был с ним очень мил и открыт. Он любит Россию за ее духовность, в Достоевском видит совмещение и Данта, и Шекспира, уверен, что *l'anima del popolo** не может измениться и пророчит светлое. Были огромные споры о России со страстным участием итальянцев (и ректора, и подесты, и студентов), которые интересуются вопросом о *"crollo dell'impero"**** (которое утверждает Оттокар и отрицаю я), словно дело идет о чем-то для них непосредственно важном. Я в душе очень было отошел от России, но когда Оттокар в своих двух лекциях о России стал говорить о *"disfatta"*****, о *"catastrofo"*, о *"crollo"*, — ничего, кстати сказать, обидного для русских — меньшевиков, я почему-то почувствовал себя патриотом современной России, вроде истинных советских граждан. Не поймешь, что за вздор, что за чепуха, что — можно сказать — за дрянь (выражаясь патетически в гоголевско-курлыковском стиле) в головах и душах сбитых с колеи русских людей, сынов *"Задавленной"* в наши дни. *"Odi et amo"*, как сказал Катулл. И *"coincidentia oppositorum"******, как изрек философ Николай Кузанский. *"Мерзавец"*, — присовокупил бы Козьма Прутков: *"еще Тютчев сказал: Умом России не понять, — ты же паки тщишься объять необъятное"*».

ПРИМЕЧАНИЯ

Лидия Вячеславовна Иванова (28 апреля 1896, Париж — 6 июля 1985, Рим), дочь Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал, композитор и органист (см. о ней «Введение» О.Дешарт в некрологическую статью Д.В. Иванова в IV, с.704-712), начала писать «воспоминания об отце» летом 1980 года по просьбе профессора Р.Джексона, который предложил ей сделать выступление на первом международном

* душа народа (итал.).

** падение империи (итал.).

*** разруха (итал.).

**** совпадение противоположных (латин.).

симпозиуме, посвященном В.Иванову и организованном Йельским университетом в апреле 1981 года. Работа увлекла ее, из краткого сообщения вырос рассказ об отце и о матери, о первых годах в Женеве, о петербургской «башне», о Москве, о Баку, о Риме.

Первая часть воспоминаний в сокращенном виде опубликована в «Новом журнале» (№ 147-150); первоначальное выступление в Йеле в переводе на английский Ирины Прэн напечатано в кн. *VYACHESLAV IVANOV: POET, CRITIC AND PHILOSOPHER*, New Haven, 1986; в полном виде на русском языке книга воспоминаний под редакцией профессора Джона Мальмстада готовится в парижском издательстве Atheneum.

¹ Ольга Александровна Шор — О.Дешарт (1894-1978) — ближайший друг семьи Ивановых, издатель Собрания сочинений В.И. См. о ней некрологическую статью Д.Иванова (III, с.688-693).

² Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874 - 1940) и его жена Зинаида Райх (1894 - 1939) посетили В.И. в Риме в августе 1924 г.; ср. рассказ об этом Л.Ивановой в первой части *ВОСПОМИНАНИЙ* («Новый журнал», № 148, с.139-145). О творческих взаимоотношениях В.И. и Мейерхольда в связи с мыслями В.И. о *РЕВИЗОРЕ* и постановкой комедии Мейерхольдом см. комментарий в IV, с.751-752.

³ Здесь небольшое расхождение Лидии Ивановой с дневником В.И.; ср. выше.

⁴ Санта Чечилия — Римская государственная консерватория, где Лидия Иванова училась у Респиги и где в 1940-1960-е гг. она была ординарным профессором гармонии и общей музыкальной культуры.

⁵ Петр Семенович Коган (1872 - 1932) — историк литературы и критик; с 1921 президент Государственной Академии художественных наук. Высказывания П.С. Когана о В.И. см. в книгах Когана: *ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*, т. 3. *СОВРЕМЕННОСТИ*, вып. 3. *МИСТИКИ И БОГОИСКАТЕЛИ*. М., 1911, с.138 и др.; *ЛИТЕРАТУРА ЭТИХ ЛЕТ. 1917-1923*. 2-е изд., Иваново-Вознесенск, 1924, с.49.

⁶ В старые времена итальянцы называли «синьорино» — молодой барин — хозяина, даже если сын этот был сам преклонного возраста.

⁷ Джованни Джентиле (1875 - 1944) — итальянский философ, принадлежал к школе философского идеализма, возглавляемой Б.Кроче. В 1922-24 Джентиле был министром просвещения в правительстве Муссолини, известен своей радикальной реформой системы образования в Италии.

⁸ О.И. Резневич-Синьорелли (1883 - 1973) в начале века из Риги переехала в Италию, где стала одним из первых переводчиков на итальянский Достоевского; близкий друг Элеоноры Дузе, о которой написала ряд книг (они переведены на многие языки, включая русский — М., 1975). Ее литературный салон в Риме в период между двух войн посещали Пиранделло, Станиславский, Гордон Крэг, Роден, Маринетти, Казелла, де Кирико, де Пизис. Синьорелли была близким другом В.И. Ей принадлежит итальянский перевод *ПЕРЕПИСКИ ИЗ ДВУХ УГЛОВ* (1932). См. также О.Дешарт. *ВВЕДЕНИЕ* (IV, с.202-203).

⁹ Энрико Дамиани (1892 - 1953) — славист, автор многих переводов, главным образом из болгарской литературы. С 1928 г. профессор Римского университета. Перевел некоторые стихотворения В.И., в том числе дифирамб *ОГНЕНОСЦЫ*.

¹⁰ Раффаэле Петтацони (1883 - 1959) — историк религии, главной сферой его интересов было развитие идеи монотеизма в древности и среди первобытных народов, был президентом Международной ассоциации историков религии.

¹¹ Всеволод Зуммер — ориенталист, прежний коллега В.И. в Бакинском университете. В.И. вопрошает Зуммера о его духовном пути в посвященном ему стихотворении «Уж расставались мы, когда, подвижник строгий...» (IV, с.94); оно написано за девять дней до цитируемого письма, 29 декабря 1926 г.

¹² С 1 февраля Бакинский университет считал Иванова «находящимся в отпуску... без содержания» (Н.В. Котрелев, указанная статья, с.335).

¹³ Ри-га, Рри-гга — так возглашал, казалось путешественникам, гудок автомобиля, мчавшегося через Москву, — Ивановы опаздывали на поезд; первой заграничной остановкой на пути в Рим была Рига.

¹⁴ В.Э. Мейерхольд и Зинаида Райх.

¹⁵ Кроль — режиссер, ученик Мейерхольда. Его жена, танцовщица-«босоножка», вышла позднее замуж за художника Джорджо де Кирико. Разведясь с де Кирико и став женой археолога Кальца, начала в Риме заниматься археологией, написала несколько серьезных книг по римской истории.

¹⁶ Павел Павлович Муратов (1881 - 1950) — писатель и искусствовед, автор известной книги *ОБРАЗЫ ИТАЛИИ*, дружил с В.И. еще в Москве и неоднократно встречался с поэтом в Риме (см. его заметку *ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В РИМЕ* — «Звено», 1926, № 171).

¹⁷ Сергей Витальевич Троцкий был другом В.И. еще по Петербургу. Ему посвящено стихотворение поэта *СОЛОВЬИНЫЕ ЧАРЫ*, включенное

в сб. *НЕЖНАЯ ТАЙНА*, 1912 (III, с.45). Рассказ о его жизни с семьей Ивановых в Баку см. в *ВОСПОМИНАНИЯХ* Л.Ивановой. — «Новый журнал», № 150, с.146-147. Погиб в лагере.

¹⁸ Обедневший маркиз Квинтилио сдавал скромную комнату Лидии и Диме в приморском городке Неттуно.

¹⁹ Валентина Михайловна Ходасевич (1894 - 1970), дочь брата В.Ф. Ходасевича Михаила, художник, театральный декоратор.

²⁰ Дима, в 1924-27 гг. ученик французского лицея Шатобриан в Риме, посылал В.И. свои школьные работы по латыни. *Thèmes*: переводы с французского на латинский.

²¹ «Беседа. Журнал литературы и науки. При участии проф. Б.Ф. Адлера, Андрея Белого, проф. Ф.А. Брауна, М.Горького, В.Ф. Ходасевича». Журнал выходил с мая/июня 1923 по март 1925. «Пишу для "Беседы" об "Идиоте"», — сообщал В.И. Ходасевичу 29 октября 1924 г. В.И. («Новый журнал», № 62, с.286).

²² О судьбе «Беседы» Горький рассказал Ходасевичу в письме от 15 мая 1925 г.: «"Беседа" кончилась. Очень жалко... По вопросу — огромнейшей важности вопросу! — о том, пуцать или не пуцать "Беседу" на Русь, было созвано многочисленное и чрезвычайное совещание сугубо мудрых. За то, чтобы пуцать, высказалось трое: Ионов, Каменев и Белицкий, а все остальные: "Не пуцать, тогда Горький воротится домой". А он и не воротится. Он тоже упрямый». («Новый журнал», № 31, с.200).

²³ Ср.: Pamela Davidson. *VYACHESLAV IVANOV AND DANTE*. — In: *VYACHESLAV IVANOV: POET, CRITIC AND PHILOSOPHER*. New Haven, 1986, p.147-161.

²⁴ Священник Эрнесто Буонаюти (1881 - 1946) — автор многих трудов по истории церкви, один из представителей итальянского «модернизма» — религиозного движения внутри католической церкви, осужденного Римом за его критическое отношение к официальному учению об истоках христианства и историчности Христа. Буонаюти был отлучен от церкви в 1921; после краткого примирения он был снова подвергнут этой же санкции в 1924. Профессор истории христианства в Римском университете, Буонаюти был лишен кафедры после заключения конкордата между Италией и Ватиканом в 1927. В.И. познакомился с ним вскоре после приезда в Рим, но слышал о нем, вероятно, уже в России от ученика Буонаюти, августинского монаха Пальмьери.

²⁵ Николай Оттокар (1884 - 1957) — историк, до революции профессор и ректор Пермского университета, переехав в Италию, стал про-

фессором средневековой истории во Флорентийском университете, автор классической книги *IL COMUNE DI FIRENZE ALLA FINE DEL DUGENTO*, 1926.

²⁶ Розминианцы — орден, основанный под официальным названием *Institutum Charitatis* итальянским священником Антонио Розмини Сербати (1797 - 1855). Розмини — автор глубоких трудов по гносеологии и онтологии и по истории философии. Он представляет собой «один из величайших моментов в философском самопознании Запада», — как пишет Владимир Эрн, философ, близкий друг В.И. (см.: В.Ф. Эрн. *СПОР ДЖОБЕРТИ С РОЗМИНИ*. Тифлис, 1914, с.5). Исследование В.Эрна *РОЗМИНИ И ЕГО ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ*. М., 1914, было одной из редких книг, который В.И. привез с собой из России. Розмини погребен в Домодоссала, недалеко от Павии, где находится один из главных розминианских центров.

²⁷ Речь идет о Витторио Бэонио Брокьери (1902 - ?). После своего «тройного доктората» Бэонио стал блестящим журналистом и с 1939 профессором истории политических доктрин Павийского университета. По поручению миланской газеты «Корьере делла сера» он дважды предпринял кругосветное путешествие на пилотируемом им самим самолете. Автор многотомной *ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ*.

²⁸ Бенвенуто Грициотти — профессор истории финансов и финансового права в Павийском университете, автор книги *POLITICA FINANZIARIA ITALIANA* (1926) и многих других исследований, директор научного института финансов в Павии.

²⁹ Карло Паскаль (1866 - 1926) — филолог, автор исследования о языке Цицерона: *DIZIONARIO DELL'USO CICERONIANO* (1899).

³⁰ Дмитрий Васильевич Зиновьев, отец Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал, в начале 1900-х гг. жил на своей вилле в Женеве недалеко от виллы Жава, где поселилась семья Ивановых. Лидия пишет о дедушке в своих *ВОСПОМИНАНИЯХ* («Новый журнал», № 147, с. 142-143).

³¹ Моисей Семенович Альтман, бакинский ученик В.И., поэт, филолог и литературовед. Записи его бесед с В.И. опубликованы в 1968 г. («Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение». — «Ученые записки тартуского государственного университета», вып. 209.) Альтману посвящен цикл стихотворений В.И. (см.: IV, с.88-89). В.И. относился к Альтману с любовью и симпатией и подчас журил его за недостаточную академическую серьезность. В отзыве об Альтмане 13.VI. 1923 В.И. писал: «Моисей Альтман отличался за все время пребывания своего в университете выдающеюся даровитостью и успешностью научных занятий. По всем зачетам получил он высшую отметку, представленная же им выпускная работа на тему "Дремлющие мифы в Илиаде

Гомера“ была оценена факультетскою комиссией как превосходное доказательство научного трудолюбия и замечательной самостоятельности научной мысли. Эта работа дает больше, чем сколько мы вправе требовать от работы студенческой, потому что устанавливает целый ряд новых точек зрения на изучаемый предмет. Из работ Альтмана, подвергавшихся рассмотрению на моих семинариях, отмечу интересные по новизне результаты исследования о ”Записках из мертвого дома“ Достоевского и о мифе в ибсеновской драме ”Пер Гюнт“. В своей книге ”Дионис и прадионисийство“ в главе XI (”О возникновении трагедии“) я пишу в обширном примечании 3-м к §8 (на стр[аницах] от 247 по 250): ”Не лишены интереса догадки одного из моих университетских слушателей, М.С. Альтмана, о религиозной символике трагедии... Сообщая эти порою несомненно меткие, порою остроумные, правда, но проблематические соображения, не беря на себя их защиты в целом“. Приводя далее в сжатом изложении эти догадки, упомянуть о которых я, как автор исследования, признал в связи последнего уместным и целесообразным, я отмечаю в некоторых местах неизвестные Альтману факты, служащие к их подтверждению. Все вышеуказанное свидетельствует о пробужденности и самостоятельности научной мысли нашего кандидата». (Цит. по указанной статье Н.В. Котрелева, с.331). Ср. также I, с.825-827.

³² Шотландец William Muir и его ирландская жена Patsy были в Риме близкими друзьями Лидии и Димы, несмотря на значительную разницу в возрасте.

³³ Курлыков — шуточный псевдоним, которым Лидия подписывала свои рисунки.

³⁴ Мартин Бубер (1878 - 1965) — религиозный философ, в 1924-33 — профессор философии еврейской религии и этики во Франкфурте-на-Майне, после прихода Гитлера к власти профессор Иерусалимского университета. Вместе с Ф.Розенцвейгом (1886 - 1929) перевел Ветхий Завет на немецкий язык (Lambert Schneider Verlag, Berlin). В издаваемом Бубером журнале «Die Kreatur» (№2, 1926) появился первый на Западе перевод *ПЕРЕПИСКИ ИЗ ДВУХ УГЛОВ*. В философии и метафизике Иванова и Бубера были некоторые созвучия, в частности, в трактовке проблемы «я» и «ты» и «ты» и отношения человека и Бога. В кабине Иванова Библия Бубера и его книги (в том числе *ICH UND DU*, Leipzig, 1923) стояли на почетном месте.

³⁵ По всей видимости, речь идет о Марио Маркаццане (1902 - 1967), впоследствии профессоре Венецианского университета и авторе трудов об истории романтизма в Италии (Nostro Ottocento, 1955).